

Не плачьте обо мне...

Жизнь и судьба художника А. Исачева (1955 – 1987)

Александр Исачев умер через два дня после закрытия первой официально разрешенной выставки своих работ в Речице – городе, где прошла почти вся его короткая жизнь. Белорусскому художнику было тридцать два года. И, как это обычно у нас происходит, после смерти Исачева о нем стали писать, не скучая на восторженные эпитеты.

Трагическая судьба... Кто знает, быть может только по такой воле Божьей нам суждено увидеть застывшие видения – мастера. Божественного мастера. И надо отдать должное всем, кто так или иначе был «соучастником» его судьбы. Это и люди «богемы», и неформалы холодного Ленинграда, куда художника из глубинки повела жажда познания большого художественного мира. Конец первой ленинградской «эпопеи» для Александра был печальным: истощенный, измученный недоеданием, недосыпанием, почти годовой ненормальной жизнью, он попадает в больницу.

Это и пристальное «внимание» местных властей в Речице, приклеивавших ему ярлык тунеядца. В период усиленной борьбы за трудовую дисциплину их не устраивали его шашки и временная работа маляром-штукатуром в Речицком РСУ. Этот период жизни художника закончился двумя почти сразу же друг за другом попаданиями в районную психиатрическую больницу.

«Не срывы же заполняют основную часть моей жизни», – говорил он. В этом с ним нельзя было не согласиться. В конце концов не дрожащей же рукой выполнялась ювелирная прописка мельчайших деталей. Гладкопись – так именуют манеру, в которой работал Исачев. Он постепенно постигал секре-

ты лессировочной техники – последовательного нанесения тончайших живописных слоев (использовал от 8 до 15). Причем каждый слой требовал тщательной просушки от двух недель до полутора месяцев...

Им создано около пятисот полотен и сотни графических листов всего лишь за 14 лет. И ни разу он не покрывил душой перед своим Богом – творчеством.

Нельзя не вспомнить и членов Гомельского отделения Союза художников БССР, соблаговоливших посетить небольшую квартирную экспозицию его картин и вынесших резюме: работы – де выставлять нельзя из-за неподходящих тем. Это о тех самых работах художника со средним образованием вечерней школы рабочей молодежи, которые рассыпаны по частным коллекциям и украшают модные салоны Голландии, США, Франции, Англии, Швеции, ФРГ. Это благодаря человеку, меценату, учителю физики из Ленинграда Георгию Михайлову, сохранившему картины и имевшему за это две судимости.

Гений Александр Исачев или нет – в этом разберется время. Оно все поставит на свои места. Каждому свое воздаст. И, может быть, сожалеть о судьбе художника не нужно, не нужно плакать о нем. Ему нужно завидовать.

«Я – жемчуг, в раковине скрытый,
я – мост, ведущий в ад и в рай.
Так знайте, что с таким богатством
я в лавки мира не вмещусь...»

Такие вот строки прочитал он как-то. И стихи озадачили про него.

Николай КРЫЛОВ
Рисунки А. Исачева – автопортрет, «Апостол Петр».

Леонид ЧЕРНЫШОВ
Посвящаю В. Бобкову

Я родину свою не узнаю,
не пляшут на Руси и не смеются.
За что же мой отец погиб в бою?
За родину? Она мне только снится.

Я жил мечтой о жизни золотой,
теперь мечту я в долгий ящик прячу.
Нет веры ни в кого и ни во что,
вот почему я пью порой и плачу.

Я руку никому уже не жму,
и все хочу куда-то удалиться.
И удивляюсь, что еще живу –
соблазнов было много удавиться.

И все же смерть я в гости не зову,
и, улыбаясь, говорю я: «Дети!
Спасибо вам за то по существу,
что ради вас остался жить на свете».

Я родину свою не узнаю,
не пляшут на Руси и не смеются.
За что же мой отец погиб в бою?
За родину? Она мне только снится.

Я стою у камина, которого нет,
и покою в окружении милых друзей.
Но и ими я тоже, увы, не согрет,
потому что не вижу их в жизни моей.

Я хотел бы обнять, все на свете любя,
но простите меня, все увязло в дерьме.
Человеком не чувствую в жизни себя,
это чувство сидит, как заноза, во мне.

Отмирает желание жизнь продолжать.
Я бы в ящик сыграл, улыбнувшись слегка.
Но не хочется даже, мой друг, умирать,
потому что цена на гробы высока.

Рассказ

Радость жизни

Проснулся я рано утром, не имея ни малейшего желания досматривать свои сны. Вылез из спального мешка и распахнул полы палатки. Ветер дохнул мне в лицо лесным холодком. Утро было свежим. Я вышел наружу и полной грудью сделал добрый глоток хвойного аромата. Горная река, катившая тяжелые струи воды недалеко от нашей палатки, наполняла округу приятным мерным гулом. Взяв ведро, я отправился к роднику. Река на всем протяжении подпитывается ими: их воды, берущие начало в лесу, стекают в нее по скалистому обрыву...

Студеная и чистая родниковая вода хороша не только для приготовления пищи. Насыщенная минеральными веществами, запахами и целебными силами леса, такая вода особенно полезна для обливания. И поскольку я был горячим приверженцем таких процедур, то быстро разделся, набрал полное ведро и разом опрокинул его над головой. Затем еще и еще раз. Мышцы стали тугими, литыми, в голове посвежело. И какая-то давно забытая радость, какое-то странное и упоительное чувство, должно быть из детства, родилось и расперло грудь.

Выплеснув радостный крик веселья и прихватив с собой еще двоих друзей, я начал свою пробежку. Лесная тропинка, по которой мы обычно бегали, проходила через сосняк и пихтовый лес, огибала березняк и километрах в трех от палатки подступала к небольшому лесному озеру...

Итак, мы во всю мочь бежали к озеру, полной грудью вдыхая ароматную свежесть воздуха, пропитанного запахом пихты. Жизнь в такие минуты всегда была во мне ключом. Я словно

Забывшись томною печалью,
повлю ее случайный взгляд.
В ней все, что есть, необычайно:
любовь, мечты и даже яд.
В ней океан бездонных мыслей,
в ней целый мир забытых снов.
Познать ее не хватит жизни,
сказать о ней не хватит слов.

Забутые мечты, слова, страданья,
которых многим не дано понять...
И вновь борьба сознания с подсознаньем,
и вновь хочу неведомое знать...
Мне не дадут уснуть ночные грезы.
Казалось, вечность протекла, как миг...
И у меня остались только слезы,
и, может быть, еще лишь хриплый крик.
В объятьях пустоты я сам, как воздух.
Дитя, а ненавижу 300 лет!
Хочу я ввысь взлететь,
но... слишком поздно,
и вместо «да» я снова слышу «нет»...

Как много нами еще не сказано,
как много нам не успеть сказать.
Слова, что в фразы еще не связаны,
уже начинают надоедать.
Мысли, своей новизною великие,
в конце очевидны своей ерундой.
Думать, как гении, не привыкли мы,
а делать что-то – так лучше толпой.
Не в силах придумать что-то красивое,
всегда горазды мы штамповать:
корявость, назвав ее новым стилем,
чтоб было чем пустоту прикрывать.
В общем, не жизнь, а навозотоптание,
где уж алмаз под ногами найти!
Быть может, когда-нибудь
все-таки станем мы
звездой поколений на вечном пути?..

Дышит в лицо мне холодный ветер,
лупит безжалостно дождь проливной.
Люди, как жить без вас мне на свете?
А, может, как жить вам сегодня со мной?
В холодные дали уйти, раствориться,
исчезнуть, как если б не жил никогда...
Бессилен мой разум, и снова мне мнится,
что вместо минуты проходят года.
Что делать? Вопрос повторяю я снова,
и вновь на него не найти мне ответ...
Мне крылья сломали, мой разум в оковах,
и все мои фразы – не больше чем бред.

Вечер пасмурный, недужный,
спать невмочь.
Ветер мерно дышит в лужи,
скоро ночь.
Я один, как этот вечер,
я больной.
Плачет где-то рядом вечность
надо мной.
И гляжу, тоской объятый,
в темноту.
Я и вечер вместе вжаты
в пустоту.

ощущал, как все вокруг – и эти могучие вековые пихты, грозными пирамидами стоящие на страже леса, и упругая тропинка, усыпанная игольчатой хвоей, которая приятно покалывала босые ноги, и темноватое сурово-прохладное небо над головой, и шум оставшейся позади реки, разбивающей на каменных порогах студеное железо своих вод – все силы этих стихий переплавлялись во мне, в моем сердце, рождая всепобеждающую энергию счастья.

Как прекрасно все вокруг! Как я счастлив этим кипящим восторгом жизни, когда все чисто и гармонично, и наши с друзьями крики, и улюлюканье – тоже часть этой гармонии.

Низко свисающие ветви слегка бьют по спине, обдавая свежестью росы, скопившейся за ночь. Но вот деревья редуют, за ними полянка. Вот оно, озеро! Еще не согревшись от ледяного душа росы с низких веток, мы с разбегу один за другим кидаемся в воду. Тяжелой студеной мощью вода перекачивает нас в своей купели, стремясь напугать глупчим холодом. Но мы бесстрашны, мы забираем из воды эту мощь!

Переплыв озеро, выскакиваем на другой бе-

Павел КАРГАПОЛОВ

Как жадно я смотрел на мир холодный,
ловя своим дыханьем вздох зари.
Себя я видел птицею свободной,
взвивался ввысь и падал до земли.
Как я мечтал – вам даже и не снится!
Как я летал – никто не полети!
Моя любовь сгорала в ваших лицах,
а мой полет направлен был в зенит.
Насмешками терзали вы мне душу
и равнодушием гасили мой огонь.
Своей тоски теперь не обнаружу
и скрою от других последний стон.
Мои мечты для вас не лучше яда
моя любовь для вас лишь только звук.
Собой я зажег алмаз чужие взгляды
и падал, озаряя пустоту.
И что ж теперь, когда отвергнут вами?
Я стал безумем верою своей.
Не долетев до подлинных страданий,
я растворился в пустоте ночей.

Холодная осень

Холодная осень, не видно покоя,
опять я один, как всегда.
Пьянящие дали зовут за собою,
но мне не уйти никуда.
Пусть вечность когда-то задумит сознание,
тогда я исчезну, как сон.
планета нам кажется мирозданьем,
а человек – божеством.
Холодная осень. Туманные дали
мне шепчут тревожную суть.
Мы многое в мире не понимали,
и смерть призвала уснуть.
Рассудок бессилён познать
бесконечность,
и жизнь – это вечности миг.
Я понял сегодня, что время нас лечит,
другого пока не постиг...

Марат ЗАКИРОВ

рег. Тело отяжелело, мышцы налились здоровым холодом и потому медленной разгоняли меня в беге.

По пути обратно мы забираем чуть влево от нашего лагеря. Здесь кончается царство тайги и начинаются скалы. Испуганная появлением людей вдаль, бояливо вздрогнула и, высоко подбрасывая задние ноги, умчалась горная коза. Говорят, в этом диком уголке природы и медведи не редкость...

А мы бежим к нашему лагерю, заранее ликуя и предвкушая будущее наслаждение: на поляне у палатки мы разбили с друзьями тренировочный лагерь, где есть брусья и перекладина, сделанные из молодых березовых стволов, поваленных бурей. На востоке алью ободочком всходит солнце и постепенно прокаляет небо, отвоеывая у утренней свежести все новые и новые пространства для будущего дневного зноя.

Итак, мы у цели. Остальные наши товарищи наконец встали и нехотя, все еще с сонной ленцой, прилаживаются к тренировочным снарядам. Мы втроем встречаем их шутилой руганью, с разгону запрыгиваем на брусья и с яростным упоением и энергией отжимаемся. Друзья отвечают нам тем же, тщетно стараясь догнать нас в скорости отжимов. Солнце постепенно разгорается в полную силу и как-то по-особому, с каким-то золотым отливом освещает нашу палатку, поляну, берег реки и наши радостные лица. Трещат березовые стволы, слетает на землю береста, обнажая медово-коричневые ароматно пахнущие стволы. Скрипят самодельные турники и брусья, играют на солнце мускулы, рядом залитосует поет соловей.

Нет большего счастья, думаю я, чем свежее лесное утро, радость бега и веселые вопли друзей под шумную симфонию пернатых обитателей тайги.